

Пролог

Горная Шотландия, 1103 год

Дональд Макалистер умирал тяжело, из последних сил цепляясь за жизнь со свойственным ему упрямством, хотя только смерть способна была избавить его от ужасных, мучительных страданий. Но пока он не мог позволить себе уступить ей: он должен был успеть сделать самое главное, что еще оставалось в этой жизни, — огласить свое завещание и лишь потом закрыть глаза навсегда.

Его завещанием была ненависть. Старый лэрд пылал от ненависти к врагу. И прежде чем умереть, ему необходимо было увидеть тот же огонь в глазах сына. Прочесть в них жажду мести. Сын должен восстановить справедливость и наказать врага. Именно поэтому он, собрав последние силы, продолжал бороться со смертью.

Большой шершавой рукой отец вцепился в маленькую хрупкую руку сына и, желая увериться, что он выполнит святой долг, впился черными глазами в глаза своего единственного наследника.

— Отомсти за меня, Коннор Макалистер! Впусти в свое сердце мою ненависть! Храни ее, взращивай, а когда станешь большим и сильным, возьми мой меч и уничтожь врагов! Я не смогу спокойно отойти в мир иной, пока ты не дашь обещание отомстить за зло, при-

чиненное мне, моим родным и близким. Обещай, мой мальчик!

— Да, отец! — горячо воскликнул Коннор. — Я отомщу за тебя.

— Ты ощущаешь жажду мести?

— Да, отец!

Дональд удовлетворенно кивнул и успокоился. Конечно, если бы он мог продержаться подольше, он успел бы дать мальчику отцовские наставления на будущее. Но даже если следующий его вздох станет последним, он больше не сомневался — сын найдет способ выполнить обещанное. Коннор очень смысленный мальчик, отец полностью доверял ему.

Жаль, конечно, что ему, Дональду Макалистеру, не доведется увидеть, как сын превращается в мужчину. Но со сломанной ногой и здоровенной дыркой в животе об этом даже глупо мечтать.

Все же Господь милосерден к нему — боль в последние минуты отпустила, он ничего не чувствовал. Ноги уже онемели от ступней до колен.

— Отец, скажи, кто это сделал?

— На нас напали Каерны. Они пришли с севера и слишком издалека, чтобы всерьез покушаться на наши земли. Но они состоят в родстве с Макнейром, и я подозреваю, что здесь без него не обошлось. Макнейр жаден и завистлив, ему всегда всего мало. Лучше убей его, прежде чем он успеет причинить тебе зло или в своей ненасытной алчности к чужим землям приблизится к порогу твоего дома. Однако не торопись, — предупредил отец, — ни у Каернов, ни у Макнейра не достало бы ума замыслить столь откровенное злодеяние. Должно быть, они действуют по чьей-то указке. Не знаю, кто предатель, ты сам должен будешь отыскать его, но я чувствую, что он среди нас.

— Ты хочешь сказать, тебя предал кто-то из наших? — ошеломленно спросил Коннор.

— Со вчерашнего дня, с самого момента нападения, я думаю, что так оно и есть. Каерны пробрались тропами, известными только моим людям. Никогда бы им самим не найти этого пути. Да, среди нас есть предатель. Твой долг — выкурить его из норы. Он один из нас, Коннор. Я убежден. Если есть на свете Бог, сейчас предатель тоже захлебывается в предсмертном хрипе на поле боя. Дождись подходящего момента, узнай имена наших врагов. И тогда нанеси удар всем оставшимся в живых. Не забудь уничтожить и сыновей их, мой мальчик.

— Я сделаю это, отец. Я уничтожу их.

Дональд еще крепче сжал руку сына:

— И запомни мой последний наказ. Я скоро умру. Учись, как подобает воину расставаться с жизнью. А потом отправляйся на лесную тропу. Там тебя ждет Ангус, он укажет, что делать.

Мальчик кивнул, и лэрд продолжил:

— Посмотри вокруг и расскажи мне, что ты видишь. Я не могу подняться. Все разрушено?

Коннор огляделся. Сердце его готово было разорваться от боли. От запаха дыма и свежей крови к горлу подступила тошнота.

— Все в руинах, отец. Но я снова построю крепость.

— Обязательно! Но теперь ты должен сделать ее неприступной. Учись на моих ошибках, Коннор.

— Я сделаю ее непобедимой.

— Что с моими верными людьми?

— Почти все погибли.

Лэрд услышал отчаяние в голосе мальчика и попытался подбодрить его:

— Их заменят сыновья. Они оденутся в твои цвета и прославят твое имя. Они пойдут за тобой, так же как их отцы когда-то — за мной. А теперь тебе пора уходить, мой мальчик. Закутайся поплотнее, перевяжи рану. Не поднимайся, пока не остановишь кровь, иначе ты ее много поте-
ряешь. Поторопись, а я пока передохну.

Коннор подчинился отцовскому приказу, хотя не считал свою рану серьезной. На нем было больше отцовской крови, чем собственной.

— У тебя останется шрам — напоминание о сегодняшнем черном дне, — предупредил Дональд.

— Мне не нужно напоминание. Я никогда не забуду этот день.

— Да, ты никогда его не забудешь. Тебе больно?

— Нет.

Дональд одобрительно хмыкнул. Мальчик никогда не жаловался. Стойкость сына особенно нравилась отцу. Из него вырастет сильный воин.

— Сколько тебе лет, сын?

— Сейчас уже девять или даже десять, — ответил Коннор.

— На вид ты ребенок, но у тебя глаза взрослого мужчины. В них пылает яркий огонь ненависти. Я доволен.

— Я мог бы взять тебя с собой.

— Нет, ты не потащишь мертвеца.

— Раны болят, отец?

— Откровенно говоря, сейчас я уже ничего не чувствую. Тело немеет. Мне хорошо. Многие мужчины могли бы позавидовать такой смерти.

— Я останусь с тобой, если ты...

— Нет, ты уйдешь, когда я прикажу. Тебе надо выжить, чтобы выполнить обещанное. Враги ушли, но не обольщайся — они захотят довести дело до конца. Они придут снова.

— Но у нас есть время, отец. Солнце высоко, а враги укатали твои бочки с вином и не вернутся до утра.

— Ну, тогда еще немного побудь со мной, — разрешил отец.

— Отец, Ангус отошлет меня к Юфимии? Рассказать, что случилось?

— Нет. Ничего не говори этой женщине.

— Но она твоя жена.

— Моя вторая жена, — поправил он. — Вообще никогда не доверяй женщине, Коннор. Это большой

риск. Юфимия сама обо всем узнает, когда вернется со своим сыном Раеном. Тебя здесь уже не должно быть. Я не хочу, чтобы тебя воспитывали ее родственники — все они кровопийцы.

Коннор кивнул и, помолчав, спросил:

— А моей матери ты доверял?

Дональд уловил беспокойство в голосе сына. Он понимал, что лучше оставить мальчику добрую память о матери. Пускай знает правду. И, не стараясь смягчить свои слова, искренне ответил:

— Нет, я ей не доверял и в результате сам же страдал от этого. Я любил твою мать, она для меня была единственной, моя драгоценная красавица Изабель. И чем же она отплатила мне за мою любовь? Она умерла! Умерла такой молодой, оставив меня в одиночестве и отчаянии. Она разбила мне сердце. Учись, сын, на примере отцовского безрассудства: не позволяй никому завладеть твоим сердцем и причинить ему боль. Я бы никогда не женился второй раз. Но я практичный человек, мне были нужны наследники — вдруг с тобой что-то случится? И снова я ошибся: у Юфимии был сын от предыдущего брака, а больше она не смогла родить, хотя очень старалась. — Дональд помолчал, собираясь с мыслями, потом продолжил: — Я не сумел полюбить Юфимию или другую женщину. Да и как я мог любить кого-нибудь после моей единственной Изабель? Конечно, нельзя было так пренебрежительно относиться к твоей мачехе, она в этом не виновата. Исправь мою ошибку, постарайся держаться с Юфимией достойно, не отворачивайся от ее изнеженного сынка. Но доверяй одному себе.

— Я запомню, отец. А куда отправит меня Ангус? Скажи, — настойчиво просил мальчик. Он специально тянул время, желая подольше побыть с отцом. — Пока я добегу до леса, Ангуса могут убить.

— Об этом не беспокойся. Думаешь, я только ему дал указания насчет тебя? Другие тоже знают, что делать.

— Тогда разреши услышать приказ от моего лэрда.

Дональд смягчился:

— Я доверяю одному-единственному человеку на свете. Ты пойдешь к нему и все расскажешь.

— Все, что я узнал от тебя?

— Да.

— И я могу доверять ему?

— Да. Первым делом ты добьешься его покровительства, а уж затем пусть он воспитает тебя как подобает. Ты дашь обет стать его братом и будешь им до своего последнего часа. Он не подведет. А теперь отправляйся. Иди к Алеку Кинкейду.

Этот приказ потряс Коннора.

— Отец! Но ведь он твой заклятый враг! Неужели ты хочешь послать меня к нему?

— Да, именно к нему, — твердо ответил отец. — Во всей Горной Шотландии нет лэрда сильнее. Алек — надежный честный человек. Тебе нужен именно такой наставник.

Коннор, пытаясь осмыслить отцовский приказ, не смог удержаться от вопроса:

— Отец, ведь ты всегда воевал с ним?

Дональд, к удивлению сына, улыбнулся.

— Да, верно, воевал. Но сердце мое не ожесточилось против Кинкейда. Он это знает. Не стану скрывать, я досаждал соседу, — усмехнулся отец, — могу с гордостью сказать — для него я был чем-то вроде репья на собачьем хвосте. Наши земли граничат на востоке, и, знаешь ли, хотелось чуток оттяпать чужой землицы. Но он не разрешал. Сосед прекрасно понимал меня, иначе ни одного из нас уже давно не было бы на свете.

— Он очень сильный?

— Да. Обязательно покажи ему мой меч. Кровь с клинка не стирай — пускай Кинкейд посмотрит.

— Отец, но никто из Макалистеров не пойдет за мной к врагу.

— Ты выполнишь мой приказ, — отрезал отец. — Ты обязан подчиниться. Пообещай уйти к Кинкейду.

— Хорошо, отец.

8   Дональд кивнул:

— Настал срок попроситься, сын мой. Мы и так потеряли много времени. Я оттягивал смерть, но больше не могу. Вот она, уже пришла за мной... Стоит рядом... Я засыпаю...

Коннор попытался вынуть руку из отцовской, но страх сковал его.

— Я буду тосковать по тебе, — прошептал мальчик.

— А я по тебе.

— Я люблю тебя, отец.

— Воины не произносят это вслух. Но признаюсь, сынок, я тоже люблю тебя. Хотя и не пристало говорить подобное.

Дональд стиснул хрупкие пальцы мальчика, смягчая упрек, и наконец закрыл глаза.

Дональд Макалистер готов был отдаться смерти — он увидел загоревшийся в глазах Коннора огонь и теперь твердо знал, что сын отомстит за отца. Чего еще мог он желать?

Через несколько минут большой, сильный, смелый воин отошел в мир иной, не выпуская руки сына из своей. Он умер, как и жил, — с честью и достоинством, ни в чем не отступив от своих правил.

Погрузившись в отчаяние, Коннор в оцепенении застыл возле отца, забыв о времени, и очнулся, только когда услышал за спиной шепот. Мальчик повернулся и увидел молодого солдата, с трудом пытавшегося сесть. Коннор не помнил его имени, а с такого расстояния не мог определить, серьезно ли тот ранен. Он знаком велел солдату оставаться на месте и снова повернулся к отцу. Коннор взял меч с его груди, склонил голову, помолится за упокой души Дональда Макалистера и только потом отполз от него, прижимая к сердцу драгоценный меч. Ползти пришлось по еще горячим, дымящимся углям, обжигая руки, натываясь на окровавленные трупы друзей, которых Коннор едва мог различать сквозь застилавшие глаза слезы.

Наконец он добрался до воина, окликнувшего его. Это был совсем еще мальчик, года на два-три старше самого Коннора.

К счастью, он вспомнил его имя.

— Криспин, я думал, ты погиб. Ну-ка перевернись на спину, я посмотрю твои раны. Не то умрешь.

— Нельзя терять времени! Они напали на нас, чтобы убить вас с отцом, Коннор. Вот зачем. Я слышал, как хвастался один из этих выродков. Уходи, пока они не вернулись. А то поймут, что ты еще живой.

— Враги сейчас отдыхают. Они не явятся, пока не допьют вино. Давай делай, что я сказал.

Криспин, морщась от боли, медленно перевернулся:

— Твой отец умер?

— Да, — ответил Коннор. — Но он успел научить меня, что делать. И отошел успокоенный.

Криспин заплакал:

— Мой лэрд погиб!..

— Нет, Криспин, твой лэрд сейчас стоит перед тобой на коленях.

Коннор не позволил ему спорить или смеяться над собой. А чтобы Криспин не счел его хвастуном, он, перевязывая его, объяснил мальчику, как и чем тот может помочь ему отомстить врагам за их зверства. Распоряжения, следовавшие одно за другим, он отдавал столь твердо и решительно, что, когда перевязка была закончена, молодой солдат обрел нечто большее, чем облегчение от боли, — надежду.

С огромным трудом Коннор перетащил Криспина в безопасное место. Он спрятал его в лесу, укрыв толстыми ветками. А потом вынес с поля брани еще двоих. Один из них был Ангус, преданный солдат отца, которому Дональд доверил послание для сына, другой — ровесник Коннора по имени Куинлен. За неделю до битвы он поступил на обучение к лэрду. Раны мальчика оказались очень серьезными, он страшно мучился от боли и умолял об одном — оставить его в покое.

Коннор держался стойко и остался глух к его мольбам.

— Теперь не ты, а я буду решать, когда тебе умереть, Кунлен.

Мальчик перестал сопротивляться и даже пытался помогать.

Коннору хотелось вынести всех раненых, но, судя по всему, враги решили вернуться до темноты — у подножия холма уже показались силуэты всадников. Дольше оставаться здесь было нельзя, Коннор рисковал быть замеченным. Впрочем, у него еще оставалось немного времени, чтобы уничтожить следы, оставшиеся на земле, когда он перетаскивал раненых.

Убедившись, что все трое надежно спрятаны, Коннор пообещал прислать помощь, а до тех пор всем приказал затаиться в укрытии.

Наконец он был готов выполнить наказ отца. Верный конь без остановки мчал его половину пути до земли Кинкейда, однако у подножия крутых уступов его пришлось оставить. Мальчик спешился и стал карабкаться по камням, сокращая путь.

Снова выбравшись на равнину, Коннор пустился бежать, собрав все свои силы. А когда ноги его ослабели и почти перестали слушаться, он перешел на шаг, опираясь на меч и ножны отца, чтобы восстановить силы. Мальчик был еще не слишком крепок, но в нем уже проснулась решительность взрослого мужчины. Он не мог подвести отца.

Коннор ничего не чувствовал — ни холода, ни голода, ни боли утраты. Он сосредоточился на одной цели: добраться до Алека Кинкейда. Заверить его в своей преданности — вот первый шаг, который ему предстояло сделать. И не было силы, способной остановить Коннора на полпути.

Он потерял счет времени, а между тем быстро темнело. Сотни оранжевых полос расцвели небо — солнце собиралось спрятаться за пиками гор. Пройдет еще несколько минут — и яркие лучи растворятся в наступающей их темноте. Отчаяние мальчика нарастало с каждым шагом. Надо успеть до ночи, иначе ему не найти дорогу к Кинкейду. Он может заблудиться или, что еще хуже, сделать круг и вернуться туда, откуда пришел.

Коннор не выдержал и снова побежал. Ему казалось, что он уже почти достиг границы между землями отца и Кинкейда, но все же он не был в этом уверен. Внезапно рядом раздался резкий окрик:

— Стой!

К нему бежали солдаты, и Коннор в смятении подумал, что враги настигли его и теперь он будет убит, так и не успев выполнить клятву, данную отцу. Но он не мог остановиться, а, спотыкаясь, продолжал идти, пока силы окончательно не покинули его.

Боже, неужели он подвел отца! Еще не начав выполнять его волю, он уже терпит поражение. Кинкейд — только первый шаг на длинном пути к будущему, но у него не хватило сил даже добраться до этого человека.

— Парень, ты можешь говорить? Можешь сказать, что случилось? Ты весь в крови.

Солдаты, окружившие его, были одеты в цвета Кинкейда. Когда Коннор осознал это, ноги его подкосились, и он упал на колени. Ему хотелось закрыть глаза хотя бы на миг, но он не посмел. Нет, пока рано. Он не разрешит себе спать, пока не поговорит с Кинкейдом. Он должен рассказать ему все... Он должен довериться ему... Он должен...

Коннор тряхнул головой, пытаясь прояснить мысли, потом набрал полную грудь воздуха, вскинул голову и прокричал:

— Отведите меня к брату!

— А кто твой брат, парень? — спросил один из дозорных.

— По велению моего отца с этого дня моим братом является Алек Кинкейд! Он не откажется от меня.

Теперь можно закрыть глаза. Первое требование отца он выполнил. Остальное — при встрече с Кинкейдом. Он скажет ему, где спрятаны раненные воины, прикажет забрать их... Он о многом поведаст брату.

Последняя мысль, перед тем как Коннор потерял сознание, принесла облегчение. Отец будет отомщен.

Так все начиналось.

Глава 1

Англия, 1108 год

Это не была любовь с первого взгляда.

Леди Бренна вовсе не хотела знакомиться с гостями. У нее сегодня были дела поважнее. Няня, богобоязненная женщина с угрюмым лицом, с тесными, налезавшими друг на друга зубами, торчащими вперед, даже не хотела ее слушать. С мрачной решимостью она загнала Бренну в дальний угол конюшни и накинулась на нее. Она схватила девочку так крепко, что у той не осталось ни малейшей возможности ускользнуть от нее, и потащила за собой через грязный двор, всю дорогу ругаясь.

— Перестань извиваться, Бренна. Я все равно сильнее и не отпущу тебя. Ты снова потеряла туфли? И не смей лгать! Я вижу, у тебя из-под юбки торчат чулки... И чего ради ты тянешь за собой уздечку?

Бренна пожала плечами:

— Я забыла положить ее на место.

— Немедленно брось! Вечно ты все забываешь. И знаешь почему?

— Я про все забываю, когда ты гудишь мне в ухо, Элспет.

— Конечно, ты никогда не слушаешь, что я тебе говорю.

От тебя больше неприятностей, чем от всех остальных, вместе взятых. С твоими старшими братьями

и сестрами у меня никогда не было никаких хлопот. Даже малышка Фэйт знает, как себя вести. А она ведь совсем дитя. Она еще палец сосет и мочится под себя. Предупреждаю, Бренна, если ты не изменишь свое поведение и не дашь хоть немного покоя родителям, Богу придется оставить все свои важные дела, спуститься с неба и как следует поговорить с тобой. И что тогда? Едва ли тебе понравится, когда твой папа посадит тебя к себе на колени и сам займется твоим ужасным поведением. Поняла?

— Да, Элспет, я все поняла. Попробую вести себя как следует. Ну правда...

Она с любопытством подняла голову, желая взглянуть, верит ли нянька в ее раскаяние. Разумеется, та не верила. Да и Бренна вовсе не считала, что совершила что-то ужасное. Но Элспет ни за что не догадается о ее мыслях.

— Перестань тарашить на меня глаза, юная леди. Ни капли тебе не верю... О господи, чем это от тебя воняет? Куда ты только вляпалась?

Бренна молча опустила голову.

Час назад она гонялась за поросятами, и тот особенный запах, который от нее исходил, сама Бренна расценивала как скромную плату за полученное удовольствие.

Но мучения только начались. Ее купали всего неделю назад, но теперь мытье, конечно же, пришлось повторить. Прямо средь бела дня, чего никогда раньше не было. Ее скребли с головы до ног, а она вопила без умолку. Впрочем, Элспет не выражала ни малейшего сочувствия, и Бренне пришлось уняться. Она только яростно отталкивала няньку, когда та надевала на нее голубое платье и немилосердно жавшие, но очень подходившие к нему по цвету туфельки. Щеки девочки покраснелись, светлые, всегда растрепанные волосы теперь были тщательно расчесаны и уложены локонами. Потом ее потащили в зал. Мать хотела убедиться, что дочь прилично выглядит. Только после этого ее оставили в покое.

Самая старшая из сестер, Матильда, уже сидела за столом рядом с матерью. Вместе с поварихой они обсуждали предстоящий ужин.

— Я не хочу встречаться с гостями, мама. Это так скучно, и я так устаю от этого.

Элспет подошла к Бренне и толкнула ее в плечо:

— Замолчи! Нельзя жаловаться. Бог не любит нытиков.

— А папа все время жалуется. И Господь его все равно любит! — возразила Бренна. — Потому папа такой большой. А больше его только сам Бог.

— Где ты наслушалась такой чепухи?

— Папа так говорит. А сейчас я хочу пойти во двор. Я не буду бегать за поросятами, я обещаю...

— Ты останешься здесь, у меня на глазах! Ты сегодня должна вести себя, как подобает воспитанной девочке. А если не будешь слушаться, ты знаешь, что случится, правда?

Бренна опустила голову и уставилась в пол.

— Ага. Тогда я попаду туда, в самый низ...

Она покорно повторила угрозу, слышанную от няньки уже не раз.

Малышка понятия не имела, что находится там, «в самом низу», которым ее пугают. Она знала одно — там ужасно и ей туда не хочется. Элспет говорила, что, если Бренна не исправится, она никогда не попадет на небеса. А все нормальные люди хотят попасть только туда.

Где небеса, Бренна знала точно. Отец ей показал. Они прямо на небе, только с обратной стороны.

Девочка понимала — конечно, надо хотеть туда, куда все. Куда собираются попасть и папа, и мама, и братья, и сестры, и даже Элспет, но на самом деле ей это было безразлично. Ее волновало только одно — чтобы ее нигде больше не забыли. До сих пор ей снятся кошмары после того, что мама называет «несчастный случай».

Ужасные воспоминания все еще прятались в самой глубине ее сознания, там, где прячутся страхи.